

УДК 81'23

ЯЗЫК КАК ФОРМА ЖИВОГО ЗНАНИЯ

А.А. Яковлев

Сибирский федеральный университет, Красноярск

В статье даётся анализ понятия «живое знание», основными свойствами которого можно считать его несводимость к информации и отражение личностного опыта человека. Язык как достояние человека (языковая организация, по Л.В. Щербе) является одной из форм живого знания, поскольку обобщает в значениях и личностных смыслах слов опыт общения, познания и переживания мира. Само живое знание характеризуется как процесс возобновляемой интеграции опыта, образа наличной проблемной ситуации и желаемой ситуации, а также способов её достижения.

Ключевые слова: живое знание, языковая организация, значение, личностный смысл, психолингвистика.

К постановке вопроса

Проблема знания привлекает к себе всё большее внимание лингвистов. И это не удивительно, ведь язык является главным средством получения, хранения, обмена знаний – неважно, понимать последние как общественный или как индивидуально-психический феномен. Примечательно, что в лингвистических публикациях, посвящённых проблеме знания, чрезвычайно трудно найти определение этого понятия. Если таковое имеется, то знание обычно толкуется как информация или сведения о мире [18: 84; 34: 33].

На понятии «информация» при определении знания принято останавливаться, оставляя его без определения и даже без каких-либо пояснений как вполне ясное. Однако «в общенаучном (нематематическом) плане информацию обычно связывают с получением новых сведений об объекте, явлении или событии. Считают, что сообщение ценно для получателя тогда, когда оно изменяет его предыдущие знания об объектах и их взаимоотношениях с другими объектами» [30: 142]. Но сведения – это и есть то, что известно, т.е. знания. В результате определение замыкается само на себя, а знания человека определяются просто как то, что человеку известно о мире, что он знает. Не спасает положение и толкование знания как формы индивидуальной и социальной памяти [цит. раб.: 51], поскольку само знание лишается специфики и полностью сводится к памяти.

Определение знания как результата отражения мира в сознании куда более перспективно. В таком случае понимание, изучение и познание того, что такое знание и как оно «работает», обусловлено точкой зрения на способы и характер отражения мира в сознании. При этом обращает на себя внимание процессуальный характер знания (к которому нам ещё предстоит вернуться): оно не дано раз и навсегда в виде однозначного, «застывшего» результата отражения мира сознанием, а постоянно перерабатывается с каждым новым актом отражения, познания и вообще жизни человека.

Необходимо помнить, что определение онтологии и специфики (свойств) знания в рамках языкознания всецело связано с принимаемой в данном конкретном исследовании концепции языка. Проще говоря, прежде чем отвечать на вопрос: «Что такое знание и каковы его основные характеристики?» – следует ответить на вопрос: «Что представляет собой язык?» К попытке кратко ответить на этот второй вопрос мы сейчас и переходим.

Многообразие языковых явлений

Основные черты концепции знания связаны с тем, понимается ли язык как нечто однородное, предполагающее единство закономерностей и форм существования, или как некоторое динамическое единство явлений различной природы и их взаимопереходов. Второй способ понимания языка выражен в знаменитой идее Л.В. Щербы о трояком аспекте языковых явлений: 1) языковой материал, 2) языковая система, 3) речевая деятельность, 4) языковая организация [35: 24–30]. Причём дальнейшее развитие языкознания показало, что Л.В. Щерба обозначил не три, а четыре аспекта языковых явлений [8: 32–34]. Ниже мы будем строго придерживаться этих наименований, а словом «язык» будем обозначать родовое понятие, используемое в случаях, когда нет надобности конкретизировать аспект языковых явлений, о котором идёт речь.

Познать каждый из аспектов языка вне его связей с другими аспектами невозможно. «Три аспекта языковых явлений – это абстрактные моменты живой целостности, невозможные один без другого и в сумме составляющие противоречивое единство. Каждый из аспектов должен быть выделен в его отличии от других, но определение своеобразия каждого аспекта невозможно без оглядки на другие аспекты, без выяснения условий его взаимодействия с другими моментами» [16: 101–102]. Язык в своей целостности не проявляется в наблюдательных и экспериментальных фактах, а только в форме одного из своих аспектов, одной из ипостасей.

Охарактеризуем вкратце каждый из аспектов языка для понимания их взаимоотношений и, по выражению П.К. Анохина, взаимодействия [1: 78].

Языковым материалом Л.В. Щерба называл «... не деятельность отдельных индивидов, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определённой конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это „тексты“ (которые, к сожалению, обыкновенно бывают лишены вышеупомянутой обстановки); в представлении старого филолога это „литература, рукописи, книги“» [35: 26]. Важно учитывать, что это – совокупность не сказанного и понятого, а именно говоримого и понимаемого: при материальной фиксации того, что имеет процессуальную природу, языковой материал становится текстами. Ср. схожую идею И.А. Бодуэна де Куртенэ: «... теперешняя литература языков настоящего времени представляет только памятник, а не самый язык» [3: 63].

Из языкового материала, который только и дан языковеду в качестве непосредственной данности, путём **обобщения** выводится языковая система: «Выведение из данных в опыте фактов „речи“ („parole“) общего, т.е. „языка как

системы“ („langue“), является, как всякое обобщение единичных фактов, одной из основных целей, к которой стремится каждая наука: вопрос о причинных связях явлений может с успехом ставиться лишь в той мере, в которой продвинут процесс обобщения частного» [35: 49]. В современном мире языковой материал всё больше представлен и в виде «традиционных» текстов, и в виде корпусов. Современные технические средства позволяют фиксировать и симпрактический компонент языкового материала – жесты, просодию, паузы, хезитации и т.д. Тем не менее, это форма **фиксации**, которая лишает языковой материал динамики, процессуальности, потенциальной незавершённости.

Необходимо уточнить, что и носителю языка, и языковеду непосредственно даны только отдельные акты говорения, зафиксированные или нет в текстах, однако и тот, и другой обобщают свою деятельность и опосредствуют её с помощью текстов, позволяющих не возобновлять всякий раз заново эти акты. Причём рядовой носитель языка и языковед преследуют при этом разные цели и используют разные стратегии. В результате языковед получает языковую систему, рядовой носитель языка – индивидуальную языковую организацию. Языковая система выводится из языкового материала посредством научного обобщения, а языковая организация выводится путём ненаучного обобщения опыта познания мира и взаимодействия с ним (по большей части – с другими людьми). Деятельность учёного и рядового носителя языка «выделяют» из языкового материала разные его аспекты: для первой важно то, что поддаётся рационализации, систематизации и вообще научному познанию, для второй — то, что поддаётся осмыслению (наделению личностным смыслом) и помогает более эффективно осуществлять собственную деятельность в меняющемся мире. Продукт деятельности языковеда лишён оценочного характера (беспристрастен к миру), надиндивидуален и на всех уровнях поддаётся рационалистическому познанию; продукт деятельности носителя языка субъективен (пристрастен к миру), индивидуален и полностью не поддаётся рационалистическому познанию. Именно этот второй и обозначается как индивидуальная языковая организация.

Сам Л.В. Щерба даёт этому аспекту языковых явлений следующую характеристику: «Все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента. Из этого с полной очевидностью следует, что этот механизм, эта речевая организация человека никак не может просто равняться сумме речевого опыта (подразумеваю под этим и говорение и понимание) данного индивида, а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта. Эта речевая организация человека может быть только физиологической или, лучше сказать, психофизиологической, чтобы этим термином указать на то, что при этом имеются в виду такие процессы, которые частично (и только частично) могут себя обнаруживать при психологическом самонаблюдении» [цит.раб.: 25]. Ср. и

в другом месте: «Если бы наш лингвистический опыт не был упорядочен у нас в виде какой-то системы, которую мы и называем грамматикой, то мы были бы просто понимающими попугаями, которые могут повторять и понимать только слышанное» [цит. раб.: 48]. Языковая организация является и процессом, и продуктом упорядочивания опыта общения и познания. Иными словами, это динамическая система ассоциативных связей между фрагментами знаний (продуктов познания) и звуковыми или графическими комплексами; ср.: [8: 34, 44].

Обращает на себя внимание формулируемый Л.В. Щербой **социальный** генезис **индивидуальной** языковой организации: «Сама эта психофизиологическая речевая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом... Об этой организации мы можем умозаключать лишь на основании речевой деятельности данного индивида» [35: 25]. Будучи переработкой опыта общения, т.е. социального взаимодействия, языковая организация сохраняет в себе этот социальный аспект.

Последний аспект языка – речевая деятельность – получает наиболее краткую характеристику Л.В. Щербы: «Процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем „языком“, и что они обуславливаются тем же, чем обуславливается возможность и процессов говорения» [цит. раб.: 25]. Следует подчеркнуть, что речевая деятельность – это именно **деятельность**, которая включена в широкую систему разнородных деятельностей человека (жизнь), выполняет в ней различные функции, подчинена её общим закономерностям (от цели до характера осуществления), направлена на взаимодействие с другими людьми и осуществляется посредством формирования и формулирования мыслей в устной или письменной форме. Поэтому языковая организация, формирующаяся в речевой деятельности, – это результат переработки опыта познания, деятельности и переживания мира вообще, а не только опыта говорения и слушания [8: 400].

Каждый аспект языка входит в собственную систему внешних связей. Языковая организация – в систему психических явлений, сознание и образ мира человека. Языковая система – в систему научного, теоретического знания и через них в систему образования. Языковой материал – в систему культуры и искусства. Речевая деятельность – в систему психических явлений, а также социальных и межличностных связей общающихся людей.

Обратим также внимание, что в системе Л.В. Щербы нет места простому противопоставлению языка как чего-то систематичного, объективного и статичного речи как чему-то хаотичному, субъективному и динамичному. Влияние на язык одновременно личностных и социальных факторов позволяет охарактеризовать язык как **лично-социальный континуум**, изображённый на рисунке.

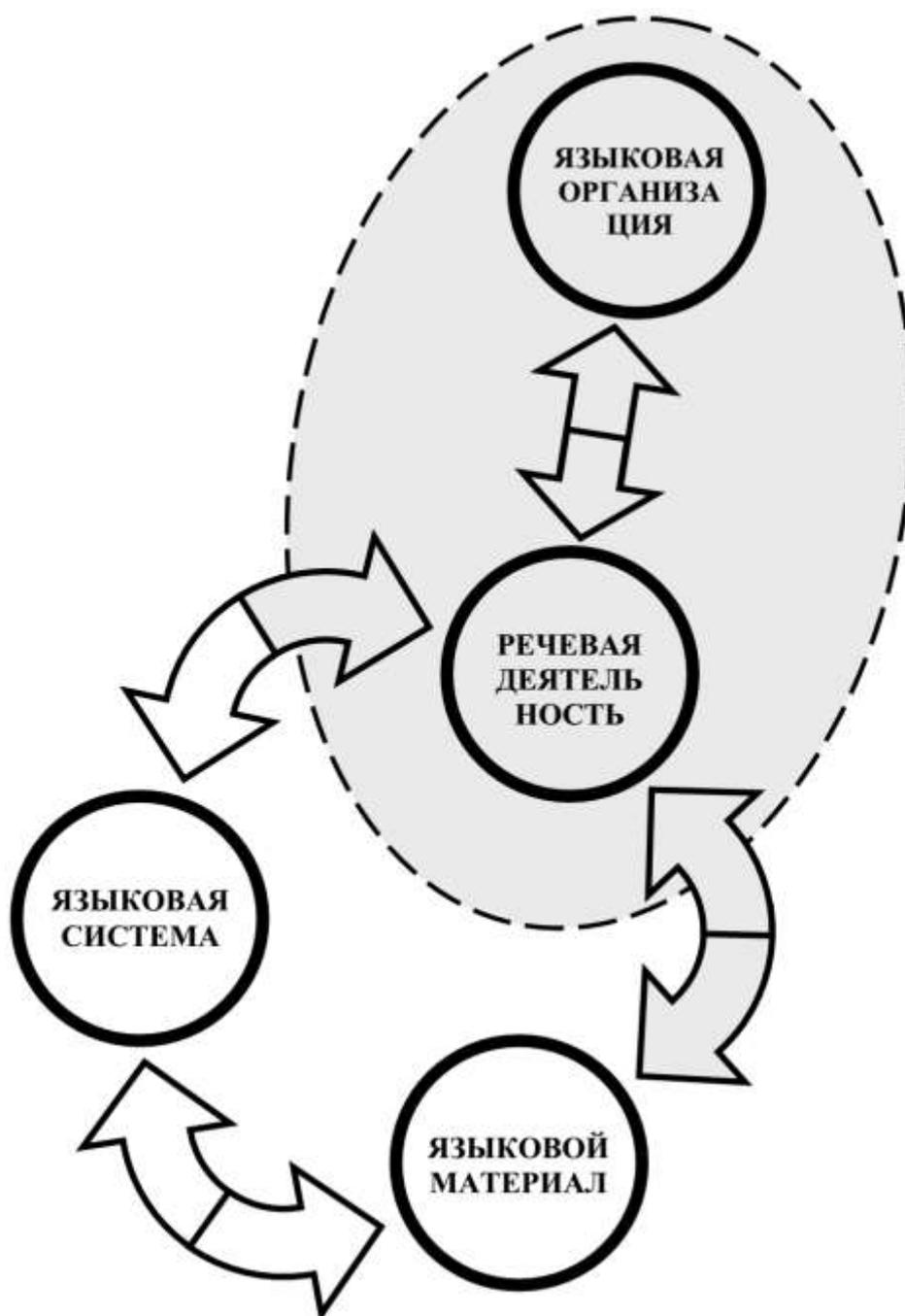

Рис. Личностно-социальный континуум языковых явлений
(по работам Л.В. Щербы и А.А. Залевской)

Два языковых аспекта в серой области имеют индивидуально-психологическую онтологию, а сама она обозначает индивидуальное сознание и психику, включённость попадающих в неё языковых аспектов в систему деятельностей человека. Эти аспекты языка состоят из индивидуальных явлений, но всё большее абстрагирование от их конкретных свойств даёт

возможность говорить об их общих закономерностях. Однако эти индивидуальные явления не оторваны от социальных (любая деятельность социальна, основана на взаимодействии людей), и имеется в виду **возможность** рассматривать эти аспекты в индивидуальной перспективе, а также то, что языковой материал не перерабатывается людьми идентично.

Живое знание как один из видов знания

Очевидно, что языковая система содержит в себе лишь «зарегистрированную» часть совокупного знания социума в некоторый период его истории. На этом основании А.А. Залевская различает совокупное коллективное знание и его зафиксированную в текстах (в широком смысле слова) часть [9: 56]. От них существенно отличается индивидуальное знание, являющееся достоянием личности [там же]. Следовательно, если обратиться к рисунку выше, живое знание должно быть «помещено» в языковую организацию, точнее, в обозначенную заливкой область. С психолингвистической точки зрения, оно должно изучаться при учёте специфики его переработки в языковой организации и проявления в речевой деятельности.

Примечательно, однако, что в публикациях, специально посвящённых живому знанию, ему не даётся чёткого определения [15; 17; 20; 28; 29]. Более того, М.Н. Ахметова, например, говорит о неизмеримости и неопределённости живого знания [2: 112]. Тем не менее, живое знание характеризуется как идея, проходящая через философский, научный и религиозный дискурс [19].

Возникает закономерный вопрос: «Понимаем ли мы, языковеды, о чём идёт речь и какую предметную область следует изучать для выявления специфики живого знания?»

При отсутствии чётких определений можно найти немало характеристик, сравнений и метафор живого знания, концентрирующихся в основном вокруг одного или нескольких признаков живого вещества. Так, говорится, что формирование живого знания – это ситуация, «... когда знание не только растёт, подобно, например, ясному в своей однозначности кристаллу-многограннику, но оно ещё живо в каждом своём фрагменте. Живо в том смысле, что когда-то оно возникло как состояние сознания некоторой творческой личности и каждый раз, начиная функционировать как знание, оно вновь предполагает свою ментально-личностную реанимацию в качестве состояния-жизни той или иной понимающей и применяющей это знание личности. В результате живость живого знания проявляется в том, чтобы наполнить бытием не только конечное число границ-граней каждого его фрагмента и его в целом, но и дать бытие, хотя и не проявленное, бесконечному числу граней знания» [7: 59]. Ср.: [9: 51–59; 12: 30–47; 34].

А.А. Залевская отмечает, что живое знание — это метафора, помогающая понять значение слова как психического феномена в его отличии от слова как социально-культурного феномена [10]. Однако метафоры ничего не объясняют

(в них отсутствует причинно-следственная связь), они лишь помогают лучше понять или вообразить то, что уже объяснено.

Автор этих строк не согласен с характеристикой живого знания лишь как метафоры. Живое знание имеет свою специфическую онтологию, которая поддаётся определению, хотя не так-то просто эту онтологию увидеть в реально наблюдаемых фактах и не так-то просто дать ей определение. Однако такое определение представляется вполне возможным.

Начнём с тех условий, в которых живое знание возникает. Оно основано на том, что в жизни человека есть такие виды опыта, которые могут быть получены через деятельность самого человека и не могут быть заменены описаниями или знаковыми аналогами.

Живое знание подразумевает эмоционально-личностное переживание мира человеком. Понятие «переживание» в данном случае следует трактовать традиционно, т.е. не как целенаправленную специфическую деятельность человека по преодолению кризисной ситуации, а как деятельность, сопутствующую какой-то другой деятельности сознания. «Переживание – это особое, субъективное, пристрастное отражение, причём отражение не окружающего мира самого по себе, а мира, взятого в отношении к субъекту, с точки зрения предоставляемых им (миром) возможностей удовлетворения актуальных мотивов и потребностей субъекта» [4: 19]. Переживание в данном случае – это не переживание-деятельность, а переживание-созерцание. Оно не может изменить реального мира и не связано с каким-то предметным его преобразованием, предметной деятельностью. Лежащая в основе такого переживания эмоция, «... коль скоро она является особым отражением, может только выразить субъективный смысл ситуации, предоставив субъекту возможность рационально осознать его, смысл, молчаливо предполагающийся наличным до и независимо от этого выражения и осознания» [цит. раб.: 23].

Живое знание невозможно представить себе вне личностного смысла, который, в свою очередь, всецело связан с переживанием мира в деятельности и сознании человека. Поэтому для понимания и изучения живого знания, следует разобраться с тем, что представляет собой личностный смысл.

Личностный смысл даже в предельной абстракции не может быть оторван от индивидуального сознания. По большому счёту, личностный смысл и есть результат активного и пристрастного отражения мира в сознании человека. «В отличие от значений, личностные смыслы, как и чувственная ткань сознания, не имеют своего „надындивидуального“, своего непсихического существования. Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с её мотивами. Смысл и создаёт пристрастность человеческого сознания» [23: 103].

Личностные смыслы не следует представлять себе как некие отдельные друг от друга корпускулы. Всегда имеет место «сплав» личностных смыслов как многоуровневое и часто внутренне противоречивое образование, из всех

аспектов которого в данных условиях преобладает один, хотя и испытывающий на себе влияние всего комплекса. Ни значение, ни личностный смысл (предмета, явления или знака) не является застывшим, статичным, однозначно фиксированным; они формируют и определяют индивидуальные психическое явления, выступая как образующие их факторы, не существуя вне этих субъективных явлений и вне деятельности человека [21: 192–193].

Личностный смысл есть «... отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению)» [24: 114]. Переживание некоторого явления как значимого, необходимого для жизни человека или её значительной части обуславливает личностный смысл этого явления. Иначе говоря, между ним и человеком возникла такая связь, ввиду которой именно это явление переживается и оценивается человеком как относящееся к реализации некоторой его потребности (сиюминутной или жизненной – неважно).

Личностный смысл – это такая форма переживания мира, в которой отношение субъекта к некоторому объекту дано самому субъекту. Но отношение дано не непосредственно, а всегда через определённую чувственную ткань — через эмоцию. «...Эмоциональная реакция, как правило, сигнализирует нам о личностном смысле. Можно говорить о том, что эмоции выполняют вспомогательную функцию презентации личностного смысла на осознаваемом уровне, не столько содержательно отображая его (это невозможно, поскольку смысл гораздо сложнее и глубже эмоции), сколько привлекая к нему внимание и ставя задачу на его содержательное раскрытие» [цит. раб.: 164–165]. Мотив деятельности первичен по отношению к его субъективному переживанию в эмоции, а не наоборот.

Личностный смысл является лишь одним из нескольких типов смысловых структур, среди которых Д.А. Леонтьев выделяет также смысловой конструкт, смысловую установку, смысловую диспозицию, мотив, личностную ценность [цит. раб.: 127–129, 167–251]. Смысловые структуры являются превращёнными формами личностного отношения субъекта к объекту, которые представлены самому субъекту в чувственной данности эмоций [цит. раб.: 126–127].

Некоторые из них есть фиксированный, устойчивый смысловой опыт человека, а не сиюминутный опыт. Так, в отличие от личностного смысла смысловая установка — это составляющая исполнительных механизмов действия [цит. раб.: 184].

Мотив связан с побудительными механизмами действия, с её целью и предметом, на который оно направлено [цит. раб.: 204]. От мотива отличается смысловая диспозиция, которая суть отношение к предметам и явлениям, имеющим для человека устойчивый жизненный смысл, не связанное с актуально осуществляемой деятельностью [цит. раб.: 213]. Смысловой конструкт – это индивидуально-специфическая категориальная шкала,

служащая человеку для выделения, классификации и оценивания значимых сторон предметов и явлений [цит. раб.: 215, 217].

Личностные ценности в наибольшей степени обладают транситуативным и наддеятельностным характером. Они ассимилируются в личность человека и почти не зависят от ситуативных факторов. «Через потребности человек переживает свои отношения с миром „один на один“, через ценности он переживает свою принадлежность к социальному целому; в своих потребностях человек всегда одинок, в ценностях, напротив, он всегда не один» [цит. раб.: 226]. Личностные ценности стабильны и абсолютны, они независимы от внешних обстоятельств, не ограничены конкретной деятельностью и конкретной ситуацией, они соотносятся со всей жизнедеятельностью человека и определяют его жизненные ориентации.

Можно заключить, что живое знание связано со всеми смысловыми структурами (или выражается через них), но связано по-разному, что делает перспективным изучение этой разницы. С позиций психолингвистики, эта разница состоит в том, что употреблению в речи определённых слов (как при порождении, так и при восприятии) всегда будет сопутствовать эмоциональное переживание, употреблению же других слов эмоция будет сопутствовать только при специфических условиях (от чисто ситуативных, до культурных). Такая разница не может быть объяснена с позиций информации, её передачи и переработки.

Поступающая из внешнего мира информация употребляется человеком для построения, возобновления и развития смысловых структур, а не непосредственного использования в деятельности. Накапливаемый опыт деятельности и усвоения личностно-значимой информации употребляется человеком для создания пристрастного отношения к миру, выделения в нём эмоциональных явлений, для порождения, сохранения и развития свободного живого знания, а не для непосредственного его превращения в информацию, используемую в деятельности. Воспринятая информация устных и письменных текстов при помощи языковой организации человека, речевой деятельности и других явлений психики не трансформируется в деятельность, а идёт на возобновление и поддержание свободного живого знания и внутренних связей языковой организации.

Живое знание нельзя сводить и невозможно свести к информации, получаемой человеком извне, а равно и к памяти, особенно если её понимать просто как своего рода склад, откуда при необходимости извлекаются нужные «единицы» информации. Живое знание, конечно, связано с информацией и памятью, но не сводится к ним. Живое знание основано на интегрировании 1) опыта, хранящегося в памяти (включая эмоционально-личностное переживание), 2) отражённых в сознании условий наличной ситуации и её оценки, 3) значимости для личности и деятельности желаемой ситуации, а также 4) возможных и наиболее эффективных способов преобразования наличной ситуации в желаемую. Живое знание и есть процесс возобновляемой

интеграции опыта, образа наличной проблемной ситуации и желаемой ситуации, а также способов достижения последней.

В этом смысле что значит знать какой-либо предмет или явление? Это значит уметь в соответствии с общими (т.е. главными) характеристиками наличной ситуации использовать данный предмет не как отдельный, а как частный представитель совокупности предметов, связанный с ней в своих сущностных характеристиках для достижения желаемой ситуации, тоже не являющейся абсолютно новой, а связанной в памяти со схожими ситуациями. Таким образом, в акте живого знания ни предмет, ни наличная ситуация, ни ситуация желаемая не являются стопроцентно новыми, а соединены в памяти не по случайным, а по наиболее существенным признакам.

Многочисленные встречи с каким-либо предметом сами по себе не дают ещё живого знания (да и вообще знания) о нём. Необходимо, чтобы человек (чувствующая, активно изменяющаяся, аффективно переживающая и когнитивно понимающая мир личность) осознал (т.е. учёл для последующих действий в схожих ситуациях) различия или, наоборот, сходства этих многочисленных встреч с предметом. Осознать необходимо не предмет и не данную ситуацию, а именно их соединение для достижения ситуации желаемой и значимость последней для дальнейшей деятельности и даже жизни. Только такое осознание вероятной значимости наличных действий с предметом для будущих действий с ним или с похожим предметом лежит в основе опыта и живого знания.

Важную роль в порождении живого знания играет не только когнитивный (познавательный, интеллектуальный) аспект, но также аффективный (эмоционально-личностный) и телесный аспект. Живое знание не усваивается человеком в готовом виде, а вырабатывается в собственной деятельности с полным переживанием его как своего, как имеющего существенное значение для жизни человека (или для её существенной части). Поэтому живое знание может быть построено только через самостоятельную деятельность человека. «Знания, за которыми не стоит собственная аналитико-синтетическая, обобщающая работа мысли, – это формальные знания. Когда говорят, что человек как индивид не открывает, а лишь усваивает уже добытые человечеством знания (хотя есть люди, которые сами их добывают), то это, собственно, значит лишь то, что он не открывает их для **человечества**; но лично для себя он всё же должен их открыть» [33: 201]. Ср. те же идеи у Э.В. Ильенкова: «...Действительно знать предмет — значит уметь **самостоятельно** обращаться с ним и разбираться в нём» [13: 85–86]. В жизни человека возникают такие ситуации, которые он может разрешить простым внешним дублированием чужих или своих предыдущих действий, но возникают и такие ситуации, которые требуют от человека интеграции опыта, наличных условий и возможных результатов при эмоционально-личностном переживании этого комплекса. Именно ситуации второго типа и лежат в основе живого знания.

Акты деятельности человека, порождающие живое знание, приводят одновременно и к изменению условий внешней среды (языковой и социальной), и к изменению внутренних связей и состояний самого сознания человека и, в частности, языковой организации. Сознание человека преломляет воспринимаемую извне информацию, которая не переходит непосредственно в деятельность, и таким образом поддерживается неравновесие между поступающей извне информацией и знанием, реально существующим в сознании. Усвоение ровно того количества информации, которое поступает в сознание извне, а равно и отдача вовне ровно того количества информации, которое требуется для некоторого изменения её условий, означало бы регресс сознания и языковой организации человека.

Свободное знание, не используемое непосредственно в деятельности, сразу и/или полностью для решения наличной задачи, удовлетворения актуальной потребности, излишнее с точки зрения информации о внешнем мире, можно назвать частным случаем живого знания [5. Т. 6: 85; 26: 82–90]. Поэтому в языковой организации человека наличествуют такие связи между разными единицами – опыта, появление которых не может быть объяснено феноменологически — через внешнее наблюдение за его речевой деятельностью в «естественных» условиях последней. Изучение подобных связей требует экспериментального подхода.

Язык как форма существования живого знания

Для понимания и обоснования языка как одной из форм существования живого знания (наряду с эмоцией и смысловыми структурами) следует задаться вопросом: «Какие свойства языковой организации обусловлены именно тем, что она является одной из форм существования живого знания?» Иначе говоря, следует выяснить, каковы общие свойства языка и живого знания.

Выраженные выше соображения о специфике живого знания находят явную связь с суждениями В.В. Давыдова о теоретическом знании как результате теоретического обобщения (в его отличие от эмпирического обобщения). «Теоретические знания, возникающие на основе преобразования предметов, отражают их внутренние отношения и связи и тем самым выходят за пределы чувственных представлений. <...> В теоретических знаниях фиксируется связь реально существующего всеобщего отношения целостной системы с её различными проявлениями, связь всеобщего с единичным. <...> Теоретические знания... прежде всего выражаются в способах умственной деятельности, а затем уже в различных символах-знаковых системах, в частности средствами естественного и искусственного языка» [6: 72–73]. Общеизвестно, что в онтогенезе овладение языком качественно меняет способы деятельности с предметами, позволяя человеку благодаря квазипредметной природе слов оперировать словами как заместителями предметов, но именно так, как самими предметами [13: 153–214; 27: 219–246].

Значения слов фиксируют средние итоги (выражение И.М. Сеченова) взаимодействия с миром, а не сумму частных итогов. Значение слова обобщает,

в значении слова представлена не сумма явлений, а их обобщённые (т.е. главные, сущностные) характеристики [5. Т. 1: 164; Т. 2: 297; Т. 6: 61; 25: 43; 33: 116]. Благодаря слову с обобщением, заложенным в его значении, человек вообще и может выходить мысленно за рамки наличной ситуации. Слово, язык вообще позволяет ассоциировать конкретное (форму слова) с субъективно-всеобщим – с совокупным опытом использования данного слова как инструмента множества деятельностей. Это же позволяет делать и живое знание — объединять в опыте по какому-то существенному признаку данную ситуацию и систему предыдущих схожих ситуаций (включая их результаты и способы достижения).

Уместно здесь вспомнить знаменитую метафору Л.С. Выготского: мысль – это облако, которое проливается дождём слов. Однако не всегда цитируется весь пассаж этой части «Мышления и речи», в котором имеется и дальнейшее сравнение мотива, определяющего мысль, с ветром: «Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. <...> Если мы сравнили выше мысль с нависшим облаком, проливающимся дождём слов, то мотивацию мысли мы должны были бы, если продолжить это образное сравнение, уподобить ветру, приводящему в движение облака» [5. Т. 2: 357]. В записных книжках Л.С. Выготского находим ещё одно важное уточнение: «Если **мысль** — облако, проливающееся **дождём** речи, то 1) облака имеют своё движение, капли дождя — своё, хотя то и другое связано: дождь передвигается с облаком, облако истаивает дождём и т.д. Мотивы речи – **ветер**, приводящий в движение облака: он имеет своё движение, тоже связанное. Есть облака, не проливающиеся дождём (ходок Успенского), есть ветер бессильный и [ветер] другой – разгоняющий облака, а не собирающий их» [11: 327].

Строго говоря, языка и речи как таковых, т.е. вне сознания и познания, не существует. «С одной речью человеку делать нечего: она не самоцель, а средство, орудие, хотя и может по-разному использоваться в разных видах деятельности» [22: 27]. Всё то же следует отнести и к живому знанию. Само оно как таковое незачем человеку, человек не интегрирует наличную ситуацию с имеющимся опытом ради самого этого акта интегрирования, а всегда ради более широкой цели. В этом процессе образ наличной ситуации, образ обобщённых предыдущих ситуаций, их эмоционально-личностное переживание и т.д. имеют своё собственное движение и свою систему разнообразных связей, но их системность задаётся именно общей для них целью. Однако этого может и не случиться: в процессе интеграции опыта в акте живого знания может произойти «сбой» и действие не приведёт к желаемому результату. Возможно и обратное: результат деятельности будет настолько отличен от предыдущих, что повлечёт за собой коренное изменение опыта решения схожих задач или изменение переживания схожих ситуаций.

Слово и его значение не первично, а вторично по отношению к деятельности и опыту человека. Обоснование этому можно найти в трудах Е.Д. Поливанова, который уже в само определение языка включал обязательность его использования некоторой социальной группой в качестве средства общения [31: 57, 177–179; 32: 40–41]. Он особо подчёркивает, что «...реальное бытие языка определяется не только составом кооперативно-спаянного коллектива, но и характером кооперативных связей внутри него» [31: 180]. Бытие индивидуального языка определяется также тем местом, которое данный индивид занимает в коллективе, и местом данного коллектива в социальной «иерархии». Владение языком некоторой социальной группы не только даёт возможность эффективно общаться с её представителями, но и само по себе является показателем, так сказать, симптомом принадлежности человека к этой социальной группе. При этом каждый человек, входит во множество социальных групп и, следовательно, совмещает знание и употребление нескольких языков или диалектов (социолектов) [там же].

Это означает, что язык есть способ и форма связи человека с миром и с теми социальными группами, членом которых он является. Язык есть для человека не нечто постороннее, потому что социально обусловленное; напротив, это **его** язык именно потому, что это язык того общества (группы, коллектива), **внутри** которого человек живет и действует и **частью** которого он является. В этом смысле всякое слово для человека есть **одновременно** и групповое (инструмент общения, взаимодействия), и индивидуальное (инструмент организации собственной психики). Можно представить это в виде двух пересекающихся осей (индивидуальной и групповой), но не бесконечных, а имеющих пределы. Эти пределы – крайние случаи значений и личностных смыслов слов, и большинство слов «находятся» где-то между этими крайностями, но могут «перемещаться» под воздействием внутренних (личностных) и внешних (социальных) факторов. Слово как групповое явление в пределе есть общекультурное, а в другом пределе – «диалоговое», «парное», понятное только для двоих. Слово как личностное явление в пределе есть интимное, ни с кем не разделяемое, а в другом пределе – несущее общечеловеческие ценности. Другое дело, что в разных словах соотношение общественного и индивидуально-личностного различно.

Живое знание, вырабатываемое в актах взаимодействия с людьми, не может быть лишено общественного, взаимодейственного компонента, оно не может рассматриваться как сугубо субъективное и индивидуальное. Наличие и неустранимость социального компонента в слове делает язык существенной формой связи человека с социумом. В точности как и всякое познание, «ощущение, восприятие, мышление – формы связи субъекта с объективным миром» [33: 112]. Причём эта связь не дана в завершённом и готовом виде, а возникает и проявляется в процессе взаимодействия человека с миром. Ср. также: «Всякое познание и объективно и субъективно» [цит. раб.: 119]. Наличие в слове (потенциально – в каждом) и значения, и личностного смысла

делает язык человека, как и его знания, и субъективным, и объективным явлением.

Таким образом, живое знание, реализуемое в слове, не зависит полностью от воли человека, но и не сводится только к информации о мире. Хотя оно невозможно без них – без взаимодействия людей и без переживания человеком этого взаимодействия. Уместными представляются слова Э.В. Ильенкова об идеальном: идеальное, имея социальную природу и происхождение, «...в форме знания отражает объективную реальность, не зависящую от человечества» [14: 56].

Все названные характеристики языка как формы живого знания возможны только при том условии, что язык как достояние человека не находится в равновесии с социально-культурной средой и при этом обладает излишним с точки зрения внешней среды знанием, которое может быть реализовано в действии без внешнего воздействия на человека. А при каком-либо воздействии извне, т.е. при некотором изменении внешней среды, в языке осуществляется такая деятельность, которая влияет на и корректирует изменения, вызванные в самом языке воздействиями окружающей среды.

Устойчивое неравновесие индивидуального языка – это такое его состояние, при котором он не просто обладает избытком знания, но и способен использовать этот избыток для поддержания неравновесия. Такое состояние не поддерживается стихийно и требует притока информации извне, которая должна не использоваться непосредственно как таковая, а перерабатываться языком и сознанием. Язык как достояние человека (языковая организация, по Л.В. Щербе) изменяет **и** внешние воздействия, **и** свои внутренние связи и состояния.

Язык как форма живого знания даже при неизменной окружающей социально-культурной среде способен осуществлять такую деятельность, которая приводит и к изменению условий внешней среды, и к изменению внутренних связей и состояний самого языка. Такая деятельность должна корректировать или целенаправленно регулировать в зависимости от состояний и нужд субъекта деятельности прямое воздействие на язык (и вообще сознание и поведение субъекта) со стороны внешней среды в данный момент и обеспечивать предвидение и коррекцию будущих воздействий.

Язык выполняет особую деятельность против равновесия с внешней средой. А свободное знание изменяет структуру и связи самого языка, но не осуществляет непосредственно деятельности против воздействий окружающей среды. Человек путём усвоения и переработки опыта переживания мира и жизни в нём создаёт в самом языке собственный источник информации за счёт живого знания.

Заключение

Хотя не все формы знания (даже индивидуального) сводятся к живому знанию, именно оно имеет существенное значение для психолингвистики, поскольку позволяет изучать язык как достояние человека одновременно с

социальной перспективы (отражение предметов и явлений в сознании и ментальном лексиконе) и с перспективы индивидуально-личностной (отношение человека к этим предметам и явлениям).

Важными в понимании живого знания являются следующие свойства языка: 1) обобщение опыта (сохранение наиболее значимых его фрагментов), 2) выход за пределы чувственности и наличной ситуации, 3) использование языка не только для других (общение), но и для себя (познание, переживание, осмысление мира), а в некоторых случаях – главным образом для себя (творчество), 4) фиксация в слове большей информации, чем реально необходимо для удовлетворения некоторых потребностей.

С психолингвистических позиций, живое знание человека есть общая совокупность всех связей между единицами ментального лексикона (языковой организации) не по форме или значению, а именно по личностному смыслу. Оно позволяет интегрировать с помощью слов опыт человека, образы наличной проблемной ситуации и желаемой ситуации в его сознании, а также языковые способы достижения желаемой ситуации. С другой стороны, опыт использования языковых средств достижения схожих желаемых ситуаций (переживаемых человеком как личностно значимые) в схожих условиях изменяет уже имеющееся живое знание.

В этом отношении чрезвычайно интересны результаты экспериментов (например, ассоциативных), которые позволяют выделить в словах именно эмоционально-личностный компонент. Например, такие реакции, полученные от студентов, как СЕССИЯ — *стресс, ужас, страх, кошмар, жопа*; УЧЁБА — *боль, мучёба, дно*; ПЯТНИЦА — *сооооон, отдых!, наконец-то*; МЕНЕДЖЕР — *затупок, идиот, стрёмная работа*; ФИЗИКА — *не моя наука, фу, не понять*; МАТЕМАТИКА — *люблю, скучно, стресс* и др. Они отражают то или иное личностное отношение к скрывающимся за словами-стимулами явлениям. Причём можно констатировать и влияние социально-экономических факторов: те же стимулы, предложенные другой группе испытуемых, дадут иные результаты. Представляется весьма перспективным изучение такого соотношения (а также его изменение во времени) между характеристиками некоторой социальной группы и эмоционально-личностным переживанием, отражаемым в реакциях. Изучение «удельного веса» таких реакций в ассоциативных полях разных слов (включая и межъязыковое сопоставление) тоже является многообещающей перспективой.

Предшествующее развитие науки о языке знаменовано тем, что, во-первых, язык рассматривался как недифференцированное, однородное явление, во-вторых, влияющие на язык факторы социального и личностного порядка рассматривались отдельно друг от друга. Понятие «живое знание», подразумевающее его специфику как одного из видов знания, как представляется, позволяет подойти к познанию языка как дифференцированной системы разнородных явлений и учитывать влияние на неё одновременно внешних (социальных) и внутренних (личностных) факторов.

Список литературы

1. Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.
2. Ахметова М.Н. Построение «живого знания» как стратегическая цель опережающего образования // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 8. С. 103–113.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1963. 384 с.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
5. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Педагогика, 1982–1984. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. 1982. 488 с. Т. 2: Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. 1982. 504 с. Т. 6: Научное наследство / Под ред. М.Г. Ярошевского. 1984. 400 с.
6. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.
7. Ерёмин В.С., Юносов Е.Н., Деревягина Е.И., Битюцкая Л.А. Формирование живого знания через турнирную деятельность учащейся молодёжи // Вестник Воронежск. гос. ун-та. Серия: Проблемы высшего образования. 2014. № 4. С. 58–61.
8. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
9. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учеб. 2-е изд. испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.
10. Залевская А.А. Общенаучная метафора «живое знание» и проблема значения слова // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2007. № 7. С. 19–34.
11. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 608 с.
12. Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть I. Живое знание (2-е испр. и доп. изд.). Самара: Самарский Дом печати, 1998. 296 с.
13. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Эвальд Васильевич Ильенков / под ред. В.И. Толстых. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009а. С. 153–214.
14. Ильенков Э.В. Идеальное и реальность. 1960–1979 / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. 528 с.
15. Карасёва Е.В. Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 16 с.
16. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 220 с.
17. Коровина Н.А. Направленный ассоциативный эксперимент в изучении значения слова как живого знания // Коммуникативные исследования. 2015. № 3 (5). С. 175–189.
18. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
19. Кудряшова Т.Б. «Живое знание» или альфа и омега познания // Вестник Ивановск. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2009. № 3 (2). С. 101–119.
20. Курганова Н.И. Живое знание через призму смыслового поля // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 79–81.
21. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.
22. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: КомКнига, 2007. 216 с.
23. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.

24. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
25. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
26. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.
27. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
28. Масленникова Е.М. Актуализация слова при переводе и «живое знание» // Слово и текст: психолингвистический подход. 2014. № 14. С. 147–151.
29. Мкртычян С.В. От «живого» слова к «живому» знанию // Слово и текст: психолингвистический подход. 2014. № 14. С. 55–59.
30. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. 634 с.
31. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
32. Поливанов Е.Д. Введение в языкознание (для востоковедных вузов). Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 232 с.
33. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
34. Шепель О.М., Минин М.Г. Знание как живая система // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2005. № 5 (35). С. 30–38.
35. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е.. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

LANGUAGE AS A FORM OF THE LIVING KNOWLEDGE

Andrey A. Yakovlev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

The paper discusses the concept of “living knowledge”, the main properties of which are 1) its irreducibility to information and 2) reflection of the personal experience in this concept. Language as the property of a person (language organization, according to L. Shcherba) is one of the forms of the living knowledge, since it summarizes the experience, cognition and emotional experiencing of the world in the meanings and personal sense of words. The living knowledge itself is characterized as a process of renewable integration of experience, an image of a present problem situation and a desired situation, as well as ways to achieve it.

Keywords: living knowledge, language organization, meaning, personal sense, psycholinguistics.

Сведения об авторе:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: mr.koloboque@rambler.ru